

Discussion on the definition of the form of guilt in formal crimes committed in the field of state defense orders

A. D. Nasibulin¹

¹Joint Stock Company Globalthermservice, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/2949-3439-2026-3-254-261

Research article

Full text in Russian

The article examines the issues related to determining the possible form of guilt in the offenses with administrative prejudice provided for in Part 1 of Article 201², Article 201³, Part 1 of Article 285⁵, and Article 285⁶ of the Criminal Code of the Russian Federation. The materials of judicial practice under Parts 2, 3, 5, 6, and 7 of Article 7.30.3 of the Administrative Code of the Russian Federation are analyzed, on the basis of which the thesis is put forward about a possible violation of the terms of a state contract (agreement) under the State Defense Order, or an unlawful refusal or evasion of its conclusion with a negligent form of guilt. Based on the current developments in criminal law doctrine, the author proposes a less formalized approach to establishing the form of guilt for the acts specified in Part 1 of Article 201², Article 201³, Part 1 of Article 285⁵, and Article 285⁶ of the Criminal Code of the Russian Federation. The advantages of this approach are justified, including the promotion of correct qualification, more reasonable individualization of punishment, and the prevention of unnecessary criminal legal repression. The issue of the predominant form of guilt in relation to the acts provided for in Part 1 of Article 201², Article 201³, Part 1 of Article 285⁵, and Article 285⁶ of the Criminal Code of the Russian Federation is being discussed.

Keywords: form of guilt; intent; negligence; official crimes; state defense order

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nasibulin, Andrey D. | E-mail: nasibulin99@yandex.ru

For citation: Nasibulin A. D. Discussion on the definition of the form of guilt in formal crimes committed in the field of state defense orders // Demidov Law Journal. 2026. Vol. 16, No. 3. P. 254-261. (in Russ.)

Дискуссионные вопросы определения формы вины в формальных составах преступлений, совершаемых в сфере государственного оборонного заказа

А. Д. Насибулин¹

¹Глобалтермосервис, Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2949-3439-2026-3-254-261

Научная статья

УДК 343.357

Полный текст на русском языке

В статье исследуются вопросы, касающиеся определения возможной формы вины в составах с административной преюдицией, предусмотренных ч. 1 ст. 201², ст. 201³, ч. 1 ст. 285⁵ и ст. 285⁶ УК РФ. Анализируются материалы судебной практики по ч. 2, 3, 5, 6, 7 ст. 7.30.3 КоАП РФ, на основе которых выдвигается тезис о возможном нарушении условий государственного контракта (договора) по государственному оборонному заказу либо неправомерном отказе или уклонении от его заключения с неосторожной формой вины. Руководствуясь текущими наработками уголовно-правовой доктрины, автором предлагается использование менее формализованного подхода к установлению формы вины в отношении деяний, предусмотренных ч. 1 ст. 201², ст. 201³, ч. 1 ст. 285⁵ и ст. 285⁶ УК РФ. Обосновываются преимущества предложенного подхода, в частности, способствование установлению правильной квалификации, более обоснованная индивидуализация наказания и недопущение необоснованно излишней уголовно-правовой репрессии. Выносится на обсуждение вопрос о преимущественной форме вины в отношении деяний, предусмотренных ч. 1 ст. 201², ст. 201³, ч. 1 ст. 285⁵ и ст. 285⁶ УК РФ.

Ключевые слова: форма вины; умысел; неосторожность; служебные преступления; государственный оборонный заказ

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Насибулин, Андрей Дамирович	E-mail: nasibulin99@yandex.ru
	Юрисконсульт

Для цитирования: Насибулин А. Д. Дискуссионные вопросы определения формы вины в формальных составах преступлений, совершаемых в сфере государственного оборонного заказа // Демидовский юридический журнал. 2026. Том 16, № 3. С. 254-261.

В ч. 1 ст. 201², ст. 201³, ч. 1 ст. 285⁵ и ст. 285⁶ УК РФ предусмотрена ответственность за нарушение условий государственного контракта (договора) по государственному оборонному заказу либо отказ или уклонение от его заключения лицом (должностным лицом), подвергнутым административному наказанию за деяние, предусмотренное ч. 2, 3, 5, 6 или 7 ст. 7.30.3 КоАП РФ. Среди множества трудностей, возникающих при интерпретации данных уголовно-правовых норм в практической деятельности, на наш взгляд, одной из важнейших представляется сложность установления субъективной стороны, а именно содержания и формы вины.

Некорректное установление формы вины, как известно, может привести к ошибочной уголовно-правовой оценке конкретного общественно опасного деяния [1, с. 59]. В связи с чем установление правильной квалификации любого преступления, в частности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 201², ст. 201³, ч. 1 ст. 285⁵ и ст. 285⁶ УК РФ, во многом зависит от точного установления формы вины, способствующей правоприменителю в безошибочном отграничении конкретного преступного деяния от иных деяний, предусмотренных смежными и конкурирующими нормами.

Немаловажно, что установление умышленной либо неосторожной формы вины влечет за собой существенные уголовно-правовые последствия, касающиеся определения категории преступления, наличия либо отсутствия рецидива преступлений, определения вида исправительного учреждения для отбывания наказания и др.

Исходя из изложенного, с целью неукоснительного соблюдения требований ст. 3 УК РФ (принцип законности), а также ст. 5 УК РФ (принцип вины) особую значимость приобретает решение вопроса относительно возможного содержания и формы вины в преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 201², ст. 201³, ч. 1 ст. 285⁵ и ст. 285⁶ УК РФ.

В рассматриваемых нами составах, направленных на охрану служебных отношений в сфере государственного оборонного заказа (далее – ГОЗ), прямое указание на форму вины преступного нарушения условий государственного контракта (договора) по ГОЗ либо отказа или уклонения от его заключения отсутствует. Следовательно, по общему правилу указанные деяния могут быть совершены с любой формой вины и любым видом умысла [2, с. 35]. Однако если оставить за скобками новеллы в сфере ГОЗ, то все составы, расположенные в главах 23 и 30 УК РФ, характеризуются лишь умышленной формой вины. Исключение составляет только ст. 293 УК РФ, регламентирующая ответственность за преступную халатность.

Вместе с тем, поскольку составы, расположенные в ч. 1 ст. 201², ст. 201³, ч. 1 ст. 285⁵ и ст. 285⁶ УК РФ, по конструкции объективной стороны изложены в виде формальных, они также могут совершаться не иначе, как с прямым умыслом. Данный вывод обусловлен тем, что законодатель, исключая из объективной стороны состава последствия совершенного деяния, позволяет устанавливать вину лица, лишь исходя из наличия осознанного понимания лицом общественной опасности собственного поведения, что, в свою очередь, исключает возможность

наличия иных форм вины [3, с. 43–44; 4, с. 37–40]. Иными словами, задействуется презумпция, согласно которой совершение лицом определенного деяния само по себе свидетельствует о намерении его совершить.

В пользу соответствующей интерпретации можно привести разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, изложенные в постановлении от 09.12.2008 № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения»¹ (далее – Пленум ВС РФ). Проецируя предусмотренный п. 10.8 Пленума ВС РФ вывод, касающийся определения возможной формы вины в составах, предусмотренных ст. ст. 264¹, 264², 264³ УК РФ, на аналогично сформулированные с ними ч. 1 ст. 201², ст. 201³, ч. 1 ст. 285⁵ и ст. 285⁶ УК РФ, следует, что по смыслу уголовного закона преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 201², ст. 201³, ч. 1 ст. 285⁵ и ст. 285⁶ УК РФ, совершаются умышленно.

Однако, несмотря на то, что господствующая позиция уголовно-правовой правовой доктрины отвергает возможность существования неосторожной формы вины в преступлениях с формальным составом, по нашему мнению, применительно к преступному нарушению условий государственного контракта (договора) по ГОЗ либо отказу или уклонению от его заключения все же представляется целесообразным рассмотреть вопрос о возможности совершения указанных деяний по неосторожности. Как справедливо указал П. С. Яни, отсутствие нормативного закрепления общественно опасных последствий в ч. 1 ст. 201², ст. 201³, ч. 1 ст. 285⁵ и ст. 285⁶ УК РФ повлечет за собой множество мнений, касающихся установления форм вины [5, с. 45].

Изложенная позиция не исключается и А. В. Иванчиным, что косвенно подтверждается его рассуждением о справедливости критики регламентации видов умысла в ст. ст. 25, 26 УК лишь применительно к материальным составам. При этом автором обоснованно подчеркивается, что на текущий момент установление вины в формальных составах и вовсе происходит по аналогии [6, с. 27].

В свою очередь, А. Ю. Ширяев в своей работе демонстрирует допустимость различных форм вины и видов умысла применительно к преступным деяниям, предусмотренным формальными составами, аргументируя данную позицию многочисленными примерами из судебной практики [7, с. 150–154]. При этом анализ практики рассмотрения дел по административным правонарушениям по ст. 14.55 КоАП РФ (на текущий момент составы расположены в ч. 5, 6, 7 ст. 7.30.3 КоАП РФ), являющихся родственными по отношению к ст. 201² и 285⁵ УК РФ, в целом позволяет сформулировать тезис о возможности совершения соответствующих деяний с неосторожной формой вины. Например, «не принял достаточных мер, направленных на соблюдение сроков исполнения обязательств»²; «не приняла мер к своевременному и надлежащему исполнению договора»; «при

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» // Российская газета. 2008. № 265.

² Решение Московского городского суда от 26 января 2021 г. по делу № 7-797/2020.

имеющейся возможности для соблюдения правил и норм, она не приняла всех зависящих от неё мер по их соблюдению и допустила нарушение условий договора, заключенного в целях ГОЗ»³. Очевидно, что вышеизложенные формулировки указывают в большей степени на неосторожность, нежели на умысел.

В свою очередь, анализ практики рассмотрения дел по административным правонарушениям по ст. 7.29.2 КоАП РФ (на текущий момент составы расположены в ч. 2, 3 ст. 7.30.3 КоАП РФ), являющихся родственными по отношению к ст. 201³ и 285⁶ УК РФ, лишний раз обосновывает сформулированный нами ранее тезис. Например, «вина должностного лица в совершении правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 7.29.2 КоАП РФ, с учетом положения ст. 2.1 Кодекса заключается в том, что у него имелась возможность для соблюдения требования, за нарушение которого предусмотрена административная ответственность, но им не были приняты все зависящие от него меры по их соблюдению»⁴. Очевидно, что вышеизложенная формулировка также указывает в большей степени на неосторожность, нежели на умысел.

Главенствующая позиция, провозглашающая, что в формальных составах имеет место исключительно прямой умысел, бесспорно, также находит свое отражение в отдельных судебных решениях. Например, вывод суда о том, что «рассматриваемое правонарушение, предусмотренное ст. 7.29.2 КоАП РФ, совершается исключительно умышленно, так как субъект должен осознавать наличие у него законодательно установленной обязанности заключить соответствующий контракт»⁵. Но разве состав халатности, характеризуемый неосторожной формой вины, не подразумевает, что должностное лицо должно осознавать наличие у него законодательно установленной обязанности по надлежащему исполнению своих служебных обязанностей?

Определённую долю ясности в отношении рассматриваемого нами вопроса вносит позиция ряда исследователей, согласно которой по отношению к составам с формально сконструированной объективной стороной необходимо доказывать не только факт осознания лицом общественно опасного характера своего поведения, но и наличие волевого компонента, выраженного в намерении такого лица, направленного непосредственно на осуществление противоправного поведения [8, с. 54–55; 9, с. 21].

Более того, как отмечает С. Ю. Кораблева, определение отношения субъекта преступления к общественно опасному характеру собственного деяния также требует более обстоятельного и тщательного исследования. Согласно ее позиции, такая характеристика состава, как формальная или материальная конструкция объективной стороны, не является универсальным правилом о наличии или отсутствии последствий [10, с. 113]. Применение наработок данного

³ Решение Центрального районного суда г. Хабаровска от 17 марта 2025 г. по делу № 12-57/2025.

⁴ Решение Унечского районного суда Брянской области от 11 июня 2020 г. по делу № 12-12/2020; Решение Унечского районного суда Брянской области от 27 августа 2020 г. по делу № 12-80/2020.

⁵ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 09 февраля 2018 г. № Ф06-29277/2017 по делу № А65-19365/2017.

автора к ч. 1 ст. 201², ч. 1 ст. 285⁵ УК РФ (с формальной конструкцией объективной стороны) позволяет сформулировать утверждение о том, что преступность, вредность, а также общественная опасность нарушения условий государственного контракта (договора) по ГОЗ отражается в сознании лица не менее конкретно, чем при совершении аналогичного деяния, предусмотренного ч. 2 ст. 201², ч. 2 ст. 285⁵ УК РФ (с материальной конструкцией объективной стороны), повлекшего, к примеру, ущерб не менее 5 % цены контракта (договора) по ГОЗ, но не менее пяти миллионов рублей.

Действительно, довольно трудно поспорить с тем, что лицо (должностное лицо) при совершении деяний, предусмотренных ч. 1 ст. 201², ч. 1 ст. 285⁵ УК РФ, и деяний, предусмотренных ч. 2 ст. 201², ч. 2 ст. 285⁵ УК РФ, предвидит ущерб, причиняемый государству (опосредованный через предмет преступления, выраженный в недостатках, касающихся количества, качества, комплектности товаров, работ и услуг), и ущерб, причиняемый системе социальных отношений (опосредованный через основной и дополнительные объекты преступления, выраженные в нарушении установленного законом порядка деятельности аппарата частной либо публичной службы по выполнению ГОЗ, интересов государства и общества по обеспечению обороны и безопасности РФ и др.), одинаково абстрактно. При этом по отношению к служебным преступлениям в сфере ГОЗ допускаем, что отношение лица (должностного лица) к социальной составляющей собственного действия (бездействия) в наибольшей степени характеризует его вину применительно и к ч. 1 ст. 201², ч. 1 ст. 285⁵ УК РФ (с формальной конструкцией объективной стороны), и к ч. 2 ст. 201², ч. 2 ст. 285⁵ УК РФ (с материальной конструкцией объективной стороны).

В рассматриваемом ключе особый интерес вызывает квалификация аналогичных деяний, но без признака повторности (административной преюдиции). Например, суд квалифицировал по ст. 293 УК РФ нарушение условий государственного контракта и требований своих должностных обязанностей, допущенное впервые должностным лицом ВП МО РФ. Согласно приговору суда, указанное должностное лицо не обеспечило надлежащего сопоставления сведений, содержащихся в актах технической приемки, касающихся применённых запасных частей и материалов, с информацией, представленной предприятиями в лимитных ведомостях⁶. При этом очевидно, что установленные судом обстоятельства свидетельствуют в большей степени о том, что представитель ВП МО РФ допустил наступление общественно опасных последствий, не имея намерения совершать противоправное деяние и причинять ущерб системе социальных отношений, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должен был и мог его предвидеть.

Подчеркнем, что при определении формы вины по ч. 1 ст. 201², ст. 201³, ч. 1 ст. 285⁵ и ст. 285⁶ УК РФ необходимо учитывать, что неосторожность по службе, согласно смыслу ст. 293 УК РФ, характеризуется наличием недобросовестного отношения лица к исполнению своих служебных обязанностей, выражающего

⁶ См.: Приговор Воронежского гарнизонного военного суда № 1-2/2020 1-55/2019 от 16 января 2020 г. по делу № 1-2/2020.

ся в ненадлежащих действиях или полном бездействии. В свою очередь, умышленная форма вины, выраженная в злоупотреблении служебными полномочиями, согласно смыслу ст. 285, 285⁴ УК РФ, предполагает совершение виновным лицом умышленных действий в пределах предоставленных ему должностных полномочий, которые маскируются внешней законностью совершаемых поступков [11, с. 26]. Указанный пример, помимо наглядного разграничения конкурирующих составов, еще раз подчёркивает отмеченную нами ранее необходимость оценки направленности воли субъектов ст. 201², ст. 201³, ст. 285⁵ и ст. 285⁶ УК РФ непосредственно на совершение самого действия (бездействия), а также оценки отношения таких субъектов к социальной составляющей соответствующего действия (бездействия).

С учетом изложенного оценка правоприменителем признака «желал совершить это действие» (иными словами, установление направленности воли лица непосредственно на совершение самого действия), а также признака «осознавал общественную опасность своего действия» (иными словами, установление направленности воли лица на причинение ущерба объекту преступления) позволяет менее формализованно подходить к установлению формы вины, а также к реальным мотивам и целям поведения виновного лица, которые подлежат обязательному доказыванию согласно ст. 73 УПК РФ.

Таким образом, считаем, что неосторожную форму вины при совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 201², ст. 201³, ч. 1 ст. 285⁵ и ст. 285⁶ УК РФ, категорически отрицать не стоит. При этом оценка волевого момента, с точки зрения деяния применительно к ч. 1 ст. 201², ст. 201³, ч. 1 ст. 285⁵ и ст. 285⁶ УК РФ, будет положительно способствовать правоприменителю в установлении правильной квалификации, а также позволит более обоснованно индивидуализировать наказание и избежать необоснованной излишней уголовно-правовой репрессии.

Вместе с тем позволим себе сделать осторожный вывод (с учётом отсутствия практики непосредственно по ст. ст. 201², 201³, 285⁵, 285⁶ УК РФ) о том, что рассматриваемые нами служебные составы в сфере ГОЗ теперь составляют компанию служебным составам с неосторожной формой вины, предусмотренным ст. 293 УК РФ (в главе 23 УК РФ соответствующая норма отсутствует), и в большинстве случаев деяния, ими предусмотренные, будут совершаться скорее с неосторожной формой вины, нежели с умыслом.

Ссылки

1. Корнеева А. В. Смежные и конкурирующие нормы: вопросы квалификации // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2024. № 4 (116). С. 58-65. DOI 10.17803/2311-5998.2024.116.4.058-065

2. Пудовочкин Ю. Е. Судебная практика установления вины в преступлении, предусмотренном статьей 264.1 уголовного кодекса Российской Федерации // Общество и право. 2017. № 1. С. 35-39. EDN YGVBRF

3. Дагель П. С., Михеев Р. И. Теоретические основы установления вины: учебное пособие / Отв. ред. И. М. Резниченко. Владивосток, 1975. 167 с.
4. Злобин Г. А., Никифоров Б. С. Умысел и его формы. М., 1972. 261 с.
5. Яни П. С. Проблемы квалификации преступлений в сфере гособоронзаказа // Законность. 2023. № 9. С. 44-49. EDN QDSZVP
6. Иванчин А. В. Правило системности как обязательный элемент в процессе конструирования состава преступления // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2017. № 2. С. 25-28.
7. Ширяев А. Ю. О возможности косвенного умысла в преступлениях с формальным составом // Российский юридический журнал. 2016. № 5. С. 150-155. EDN XCNZDN
8. Рарог А. И. Общая теория вины: учебное пособие. М., 1980. 91 с.
9. Ворошилин Е. В., Кригер Г. А. Субъективная сторона преступления: учебное пособие. М., 1987. 75 с.
10. Кораблёва С. Ю. Содержание умысла и неосторожности в преступлениях с формальным составом // Мониторинг правоприменения. 2025. № 3. С. 107-114. DOI 10.24412/2226-0692-2025-3-107-115
11. Борков В. Н. Критерии отграничения злоупотребления должностными полномочиями от их превышения // Библиотека уголовного права и криминологии. 2016. № 4. С. 21-27. EDN WFLNOT